

КРАКОВСКИЕ МАСТЕРА

СРЕДИ польских городов Краков занимает особое положение. Когда впервые приезжаешь в эту древнюю столицу Польши, поражает удивительное сочетание и обилие ярких примет старины. И в то же время Краков — это современный город, центр металлургической промышленности, место ежегодных фестивалей искусства...

Пожалуй, краковский Старый театр имени Хелены Моджеевской, приехавший к нам на гастроли, как истинное и достойное детище своего города несет в своем творчестве черты, свойственные духу Кракова, — сочетание традиций и новаторства, бережное обращение к классике и в то же время отношение к ней как неотъемлемой частице современного бытия. Отсюда же истоки и просветительских задач, которые встают перед театром, стремление познакомить современного зрителя со всем многообразием театральной культуры, со специфическими поисками, порою дискуссионными.

Краковский Старый театр — это театр неординарностей. Его творческое лицо сегодня определяется полноправным сотрудничеством пяти режиссеров — Яроцкого, Хюбнера, Гуссаковского, Свинарского, Шайны. Каждый из них имеет свой индивидуальный выразительный стиль, яркий режиссерский почерк, придающий спектаклям неповторимость.

Старый театр открыл свои гастроли в Москве спектаклем «Моя доченька» Тадеуша Ружевича и тем самым сразу же заявил о своей приверженности к современной теме. Тадеуш Ружевич — поэт и драматург, чьи пьесы всегда ожидают с интересом, вызывают дискуссии, волнуют. Они, как правило, акцентируют внимание на нравственных проблемах современной жизни. Ружевичу (и как поэту, и как драматургу) чуждо поэтическое украшательство, словесная «игра в бисер» иных модных поэтов; он — сторонник поэзии правды жизни, строгой, простой, иногда нелицеприятной.

В спектакле «Моя доченька», поставленном Ежи Яроцким в манере условного театра со всеми его атрибутами, раскрывается особенность творчества Ружевича: правда, на первый план здесь выходит элемент иронии, иногда поднимающийся до гневного сарказма. К важным нравственным проблемам драматург и театр стремятся подойти как бы со стороны внутреннего мира человека, его психологии, его наиболее личных устремлений. История героя спектакля Хенрыка (его играет Ежи Калишевски) печальна, горька. Незаметно, отдавая день за днем равнодушию, человек утрачивает все, даже дочь, даже родительские чувства. Спектакль вызывает раздумья, желание поспорить.

— Проблематика пьесы, — рассказывает Тадеуш Ружевич, — сложная, затрагивает вопросы нравственности и морали. Конечно, одна из главных проблем в пьесе — «исчезновение» родительских чувств, утеря нравственного контакта между отцом и дочерью, — хотя и не типична для нашего общества, но все же актуальна.

На гастроли в Москву театр привез и озорной, почти «вахтанговский» по манере спектакль «Укрощение строптивой» В. Шекспира (режиссер Зыгмунт Хюбнер). В основу сценической интерпретации взят ход, предложенный Шекспиром в интродукции комедии с пьяным медником Слаем, перед которым слуги лорда (для потехи своего господина) разыгрывают веселую комедию. Только в спектакле краковцев вместо истории Слая появляется другая — история с постановкой комедии «Укрощение строптивой» «любительским коллективом пожарников».

Безусловно, от такой трактовки снижается высокое звучание комедии (а Шекспир, как известно, стремился и к этому), и на первый план выходит зрелищное, грубовато-народное веселье, эксцентричный комизм, буффонада. Театр словно бы разрабатывает здесь народные элементы в комедии Шекспира, дописывает реплики пожарникам, которые прерывают действие, комментируют его, устанавливают непосредственный контакт

со зрителями. Исподволь театр и в первую очередь прекрасный дуэт двух актеров — Войцеха Пшоняка (Петруччо) и Анны Полоны (Катарина) — подсмеиваются и над «победой» укротителя, и над строптивой, утверждая в веселом и остроумном поединке главное — внутреннюю свободу своих героев.

Иным предстает театр в драме Юлиуша Словацкого «Фантазий» и в трагедиях Станислава Выспянского «Судьи» и «Проклятие» (режиссер Конрад Свинарски). Краковский театр нельзя представить без имен этих замечательных польских классиков. И не удивительно, что их пьесы не сходят с афиши Старого театра. Удивительно другое — пьесы Словацкого и Выспянского предстали перед нами в ином обличье, без традиционного романтического ореола. Конрад Свинарски выдвинул на первый план социальное содержание пьес, сделал их на сцене более острыми и суровыми по звучанию. В его интерпретации «Фантазий» приобрел черты реалистической, глубоко критической драмы из жизни состоятельной польской помещной шляхты, алчущей наживы, предающей патристические интересы. В спектакле впечатляет и линия русско-польских революционных связей, выраженная в образах русского офицера-декабриста (Казимеж Фабияк) и бывшего повстанца Яна (Марек Валцзевски). Режиссер вы-

Сцена из спектакля «Судьи».

двигает в спектакле на первый план актера, ярко звучащее поэтическое слово Юлиуша Словацкого.

В «Судьях» и «Проклятии», написанных Выспянским под влиянием античной трагедии, но глубоко связанных с прошлым польского народа, и особенно забытого, неумолимого крестьянства, режиссер показал драматически насыщенные народные полотна. Запоминаются выразительные сцены убийства Евдохи (Изабела Ольшевска), суда, смерти маленького скрипача Иоаса (Анна Полоны), монолог старого Самуэля (Виктор Садецки) в трагедии «Судьи». В спектакле «Проклятие» это не только история о грехе ксендза, взявшего в дом к себе молодку и крестившего своих незаконных детей. Это повод повести рассказ о трагическом положении польского народа, о предвещении пробуждения его революционного сознания. Режиссер стремится показать на фоне архаического мужицкого быта (иногда отдавая дань натурализму) трагизм существования людей, пафос жажды освобождения, надежды на счастье народное. Патетично звучат драматические сцены — уход молодки (Анна Полоны) с детьми из дома ксендза на жертвенный костер, ее возвращение и гибель...

После спектакля мы разговорились с Конрадом Свинарским.

— По моей задумке, — говорит он, — «Судьи» и «Проклятие» — это как бы две части, объединенные в целое. Поэтому эти спектакли идут в один вечер. В первом — люди ищут веру, правду... Одни — цепляются за Ветхий завет, другие — за Новый... В другом спектакле — как бы ответ: правда — не в божьей, а в ином социальном устройстве общества. Мне хотелось показать, как пробуждалось сознание народа в те времена, как пробивался свет правды через языческие верования и религиозные тенета к классовому самосознанию...

...Пять спектаклей показали нам польские мастера театра. Разные по стилю, по манере игры, по глубине и точности режиссерских интерпретаций, они дают возможность советским зрителям составить представление о творчестве и поисках мастеров старейшего театра Польской Народной Республики.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.